

© 2005 г.

Н.А. ДЕРМАН

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В УСТАНОВКАХ МАТЕРЕЙ ТАЛЛИННА НА ЗАНЯТОСТЬ

ДЕРМАН Нина Анатольевна - научный сотрудник отдела социологии семьи Института международных и социальных исследований Таллиннского педагогического университета.

Традиционная модель семьи с кормильцем-отцом, домохозяйкой-матерью и детьми в настоящее время находится в меньшинстве во всех странах. Одновременное участие женщин в экономическом и демографическом производстве - характерная черта современного индустриального общества. С ростом уровня образования у женщин появляются свои интересы. Материнство больше не является единственной возможностью для самовыражения и самореализации женской личности, хотя большинство из них не собирается отказываться от деторождения, предпочитая совмещать две столь важные стороны жизни - семью и работу. Решающее влияние на выбор женщин оказывает не уровень ее образования или экономическое положение семьи, а гендерная или ролевая идеология, ярко проявляющаяся после рождения детей, когда женщинам приходится выбирать между семьей и работой. Часто их выбор связан с многообразием факторов, ценностей и установок. Но даже проявление традиционных гендерных и ценностных установок зависит от социоэкономических факторов, то есть от реальной возможности одного супруга либо обоих родителей содержать семью [1].

Данная статья, используя эмпирический материал опроса "Женщина, семья и работа 2000", сосредоточена на проблемах, которые в силу тех или иных причин, по-разному проявляются для женщин эстонской и, объединенных для анализа в единую группу, неэстонских национальностей.

Проблемы сочетания материнства и работы. Хотя семья и дети остаются на очень высоком месте в шкале ценностей женщины, вместе со сдвигом от материалистических ценностей к постматериалистическим, в конце XX века на первый план выдвигаются самовыражение и качество жизни. Меняется и отношение женщин к занятости в профессиональной сфере. Большинство не хочет ограничивать свою жизнь только рамками семьи, а желает занять свое место в обществе, где человека меряют по его успешности и обеспеченности [2].

Проблемы работающих женщин при сочетании наемного труда вне дома с выполнением семейных обязанностей имеют сходные черты. Несмотря на произошедшие за последние десятилетия весьма небольшие изменения в распределении до-

машнего труда в сторону большего участия мужчин и в странах Запада, и в Эстонии, разделение внутрисемейных и хозяйственных обязанностей почти повсеместно остается по-прежнему традиционным: женщины загружены домашней работой и домом [3,4]. Совмещение матерями служебных и домашних обязанностей может влиять на их самочувствие и настроение, качество взаимоотношений в семье, удовлетворенность жизнью, и, в конечном счете, все эти факторы могут влиять на выработку у женщин определенных установок по отношению к работе по найму [5].

Катрин Хахим, ведущий социолог Лондонской школы экономики, исходя из теории предпочтений (*Preference Theory*), отнесла женщин, с точки зрения их собственного отношения к участию в наемном труде и возможного влияния государственной политики в области семьи и занятости, к трем группам. Небольшая часть женщин предпочитает делать профессиональную карьеру, примерно столько же хотят быть домохозяйками, но большая доля женщин склонна сочетать работу и семью без явного приоритета какой-либо стороны. Эти работники могут не ставить для себя конкретных карьерных целей, но продвигаются вверх по служебной лестнице, когда появляются для этого возможности. Часто женщины из этой группы, откликаясь (или не откликаясь) на возникающие социальные и экономические обстоятельства и проводимую политику в области семьи и занятости, меняют свои цели и приоритеты, повторно вступая или покидая рынок труда [6].

Влияние этносоциальных факторов на занятость матерей в Эстонии. Эстония, в числе других постсоциалистических стран, может представлять интерес при изучении проблем, возникающих при совмещении матерями маленьких детей занятости вне дома и семейных обязанностей, а также выяснения поведенческих установок, которые обусловлены как конкретным положением на рынке труда, так и различиями в исторически сложившихся демографических моделях.

Уровень занятости женщин в народном хозяйстве Эстонии был одним из самых высоких среди советских республик - в 1989 г. женщины составляли 54% от всех работающих [7, с. 121]. Это означает, что женщины, даже с маленькими детьми, практически не имели выбора - работать или не работать, также не имея возможности работать по графику неполного рабочего дня [8]. Используя экономические и политические рычаги, женщин ориентировали на сочетание двух сфер жизни - быть работниками и матерями [9].

Эстония издавна считалась самой восточной границей западно-европейской демографической модели [10], неэстонцы же в своем большинстве являются представителями восточной демографической модели, что позволяет предположить существование определенных различий в установках эстонок и неэстонок по отношению к семье и работе. Если для представителей западной европейской культуры характерны ценности индивидуализма и самореализации, то основной чертой семейных отношений восточноевропейской культуры можно назвать исторически сложившееся "семейное родство", где замужние женщины занимали подчиненную позицию как в отношениях с супругом, так и в отношениях с другими членами семьи мужа. В странах восточной культуры продолжает сохраняться и доминировать традиционное распределение ролей в обществе, в то время как в странах Запада заметно ослабление этих норм и отчетливое движение к постматериалистическим ценностям.

Эстонские социологи отмечали, что после войны в Эстонии образовались и сосуществовали, практически не пересекаясь, две довольно обособленные культурные общины, имеющие различные исторические и культурные корни и придерживающиеся во многом противоположных мнений и установок [11]. Эстонцы и неэстонцы живут в различных культурных и информационных пространствах, и, хотя их образ жизни и мышления становятся все более схожими: Россия по-прежнему занимает центральное место в картине мира большинства неэстонцев, даже знающих и активно употребляющих эстонский язык в повседневной жизни. Для некоренного населения Эстонии характерна ориентированность на российское и западное ТВ, лишь радиопрограммы и пресса служат источником информации о местной жизни [12].

В результате реструктуризации хозяйства и характерной для постсоциалистических обществ высокой трудовой мобильности рабочей силы многим пришлось сменить в последние годы не только работу, но зачастую и должность, профессию и даже место жительства. В нынешней ситуации на рынке труда неэстонцам труднее найти рабочее место, соответствующее их образованию, и большей их части приходится мириться с должностью более низкого уровня, чтобы обеспечить себя работой и доходом [13]. Неэстонцы озабочены не только потерей работы или возможностью стать "людьми второго сорта", но также возможностью получения хорошего образования и в дальнейшем работы по специальности для детей [14].

В худшем положении в результате произошедших перемен оказались женщины и особенно те неэстонки, которые не смогли в силу различных причин приспособиться к новой ситуации на рынке труда и сохранить свой социальный статус. Кроме плохого владения эстонским языком, их положение осложнено специфичностью полового (нередко за пределами Эстонии) образования и не находящего в новых рыночных условиях применения [14]. Наличие детей является фактором, негативно влияющим на перспективы трудоустройства женщин.

Исследования показали, что на успешность сочетания работы и семьи могут по-разному влиять факторы различного уровня: на макроуровне - это связанные с функционированием государства и общества законодательная база и общий культурный и политический фон, на мезоуровне - развитость инфраструктуры, состояние рынка занятости местных самоуправлений, а также конкретные условия труда на местах, в том числе стабильность и удовлетворенность работой. На микроуровне на стремление совмещать профессиональную занятость и семейные обязанности могут влиять как внутрисемейные, так и социально-демографические характеристики.

Опрос "Семья и работа в жизни женщины 2000" был проведен сотрудниками отдела социологии семьи Института международных и социальных исследований при Таллинском педагогическом университете. Такой специальный опрос проводился в Эстонии впервые, и, не имея своей задачей составление репрезентативной выборки, был направлен на изучение проблем сочетания материнства и работы женщинами, имеющими детей дошкольников и младших школьников. Опрос проводился в Таллинне, где изменения во всех сферах жизни происходят более быстрыми темпами, чем в других городах страны, тем самым влияя на изменения ценностных и поведенческих установок населения. Существующая в столице широкая сеть предприятий и учреждений бытового и досугового обслуживания населения, детских дошкольных учреждений и школ, а также объективно существующие широкие возможности для трудоустройства предполагают более яркое проявление взаимовлияний работы и семьи при сочетании женщинами профессионального труда и семейных обязанностей.

Данные опроса позволяют проанализировать факторы на микроуровне и мезоуровне, влияющие на установки имеющих маленьких детей женщин в отношении профессиональной занятости. При проведении исследования были проанализированы: 1. Социально-демографические характеристики респондентов (уровень образования, возрастная группа, семейное положение); 2. Характеристики рабочего места (профессиональная группа, угроза потери работы и шансы найти новую работу, оценки удовлетворенности работой); 3. Внутрисемейные характеристики (материальное положение, число детей, достаточность остающегося для детей времени и оценки удовлетворенности семейной жизнью).

При проверке статистической значимости связей между анализируемыми переменными были использованы критерий хи-квадрат (*Chi-Square*) Пирсона и линейный -

¹ Опрос проведен по заказу и финансовой поддержке комиссии прикладных исследований населения при Министре народонаселения Эстонии. При проведении опроса матерей с целью изучения проблем совмещения ими профессиональной занятости и семейных обязанностей основной задачей явилось выявление перспектив увеличения рождаемости в стране.

ные коэффициенты корреляции Пирсона г. Сравнение средних оценок удовлетворенности работой в различных образовательных и профессиональных группах, а также средних оценок удовлетворенности семейной жизнью в группах с разным семейным и материальным положением проводилось с использованием анализа вариации (*One Way ANOVA*). При поиске прогнозирующей зависимости между социально-демографическими переменными, переменными, характеризующими работу и внутрисемейными характеристиками и зависящей от них переменной (возможный выбор матерей - работать или не работать в случае материального достатка в семье) - была использована множественная регрессия.

Проявление различий в установках матерей

Успешность совмещения семьи и работы. Хотя в странах Европы не существует единой формы семейной политики для привлечения женщин на рынок труда, наилучшим образом удалось построить политику, которая позволяет матерям успешно совмещать работу по найму и рождение детей, в северных странах. Например, уровень женской занятости в Дании, Швеции и Финляндии был в 2001 г. наивысшим среди стран Евросоюза, приближаясь к уровню занятости мужчин в этих странах [15]. Наиболее известная форма сочетания женщинами, имеющими маленьких детей, семьи и работы - режим неполного рабочего дня. В Эстонии такой режим найти очень трудно.

Иногда матерям дошкольников или младших школьников по разным причинам приходится просить у работодателя разрешения раньше уйти или позже прийти, работать дома или отработать в другой день и т.д. По данным опроса, необходимость обращаться с такими просьбами была у более половины респондентов. Большинство (86%) матерей ответили, что с их просьбами считались.

Оценки респонденток опроса успешности совмещения ими семьи и работы показали, что 27% эстонок и неэстонок, приходя домой, не думали больше о работе. Примерно каждая пятая респондентка (23% эстонок и 18% неэстонок) без затруднений справлялись с совмещением работы и семейной жизни, но более половины матерей испытывали трудности. При этом 4% эстонок и почти втрое больше (11%) неэстонок считали, что дом и семья отнимают у них много времени и поэтому именно работа порой остается на втором плане. И наоборот, у 24% эстонок и 18% неэстонок семья из-за работы оставалась на втором плане. На перетекание рабочих проблем в семью указали 22% эстонок и 26% неэстонок.

Сложнее было совмещать материнство и работу руководителей. Почти каждая вторая респондентка указала, что семья остается на втором плане. В свою очередь, конторским служащим и рабочим чаще удавалось без проблем сочетать служебные и семейные обязанности.

Выбор стратегий для успешного сочетания семьи и работы. Итак, более половины работающих матерей испытывали негативные последствия взаимовлияния семьи и работы, когда либо семья либо работа остаются на втором плане или же рабочие проблемы и после работы мешали уставшим матерям заниматься домашними делами и досугом. Данные опроса позволяют найти ответ на вопрос: какой же выход видят матери для себя и какие факторы могут влиять на выбор той или иной стратегии. В настоящее время у многих женщин нет выбора, они должны работать, поскольку их доход необходим для нормального существования семьи. Но если бы появилась материальная возможность не работать, лишь сравнительно небольшая часть матерей, примерно каждая пятая эстонка и каждая десятая неэстонка (18% эстонок и 9% неэстонок, $p < .000$) выразили желание продолжать работать с полной нагрузкой. В то же время 25% женщин хотели бы совсем оставить работу. Однако большинство матерей хотели бы трудиться с частичной нагрузкой или по режиму неполного рабочего времени.

Женщин, желающих работать с полной или частичной нагрузкой, было значительно больше среди эстонок, чем среди неэстонок -82% против 60%. И наоборот, женщин, которые предпочли бы при материальной возможности не работать, было среди эстонок вдвое меньше, чем среди неэстонок - соответственно, 18% и 40%. Различия были существенными в группе матерей с высшим образованием: среди эстонок почти каждая четвертая (23%) продолжала бы работать с полной нагрузкой и значительно более половины (64%) - с частичной нагрузкой. Среди неэстонок с высшим образованием 11% продолжали бы работать с полной нагрузкой и 55% - с неполной.

Примерно две из трех матерей, сделавших выбор в пользу семейных обязанностей, указали, что хотели бы заниматься воспитанием детей, но и в этом вопросе проявились различия, так как число детей в семье и возраст младшего ребенка по-разному влияют на выбор в пользу работы или семьи у эстонок и неэстонок. Так, с ростом числа детей в семье, доля склонявшихся в сторону выбора не работать эстонки росла незначительно, в то время как двое детей в семье являлись определяющим фактором оставить работу для каждой второй неэстонки.

После окончания послеродового декретного отпуска, который в 2000 г. в Эстонии составлял 56 дней, матери имеют законодательно гарантированную и частично оплачиваемую государством возможность взять отпуск по уходу за ребенком до исполнения ему 3-х лет, в течение которого за ними должно сохраняться рабочее место. Исследование показало, что на самом деле две трети матерей, примерно одинаково эстонки и неэстонки, вышли на работу ранее исполнения ребенку трех лет.

С большой долей вероятности можно предположить, что для многих женщин такой "досрочный" выход на работу был обусловлен резко возросшими материальными затратами после рождения ребенка. Нельзя сбрасывать со счета и опасения части получивших хорошее образование респонденток потерять навыки, отстать от возросших требований или проиграть в сравнении с тем работником, который их замещал на период отпуска по уходу за ребенком.

Сравнение ответов на вопрос о желаемом времени возвращения на работу после рождения последнего ребенка показало, что меньше трех лет хотели бы оставаться с ребенком дома более трети (38%) эстонок и чуть менее четверти (23%) неэстонок. Выйти на работу после исполнения ребенку трех лет хотели бы 42% матерей (44% эстонок и 38% неэстонок). Дольше 3-летнего отпуска хотели бы быть дома 18% эстонок и 39% неэстонок.

Таким образом, анализ показал, что респондентки исследуемой целевой группы не представляют собой гомогенной группы, что имеют место различия между эстонками и неэстонками в положении на рынке труда и в выборе стратегий по отношению к занятости. Дальнейший анализ направлен на выяснение причин, которые могут оказывать влияние - на установки матерей в пользу работы либо семьи.

Факторы, влияющие на установки матерей

Социально-демографические характеристики работающих матерей. Из опрошенных 1072 женщин в возрасте от 20 до 44 лет, имеющих детей дошкольного или младшего школьного возраста, работали 75% и еще 7%, находясь в отпуске по уходу за ребенком, имели фиксированное рабочее место. Имелись существенные различия в степени занятости между эстонками и неэстонками ($\chi^2 = 68,82$; $p = 0,000$). Среди эстонок работающих было 88%, а среди неэстонок - 71%. Таким образом, в данной статье исследуются проблемы, возникающие при сочетании работы и семьи, а также их установки в отношении работы 879 респонденток (594 эстонки и 285 неэстонок), имевших на момент опроса определенное место работы.

Средний возраст исследуемых респонденток был 31,82 в группе эстонок и 31,95 - в группе неэстонок, среднее число детей - 1,80 у эстонок и 1,55 — у неэстонок. Более

разного уровня образования (%)

Профессиональные группы	Среднее		Среднеспециальное		Высшее	
	эст.	неэст.	эст.	неэст.	эст.	неэст.
Руководители	11	2	7	1	21	6
Специалисты	16	7	28	21	58	54
Канторские служащие	20	10	20	11	10	9
Работники обслуживания	39	44	28	34	3	19
Рабочие	12	37	13	29	1	10
Предприниматели и ПФЛ	2	-	3	4	8	3

$\chi^2 = 78.86$ при $p < 0.01$

Примечание: ПФЛ - предприниматель-физическое лицо

половины эстонок (61%) имели двоих и более детей, в то время как у большей части неэстонок (59%) ребенок был единственным в семье.

Наблюдались определенные различия (при $p < ,01$) в уровне образования работавших респонденток. Доля женщин с высшим образованием была выше среди эстонок, а доля женщин со среднеспециальным образованием (техникумы и дающие среднее образование профессионально-технические училища) - среди неэстонок. Для многих неэстонок, получивших образование в советское время, его высокий уровень не способствует повышению их шансов найти хорошую работу. Помимо недостаточного уровня знания эстонского языка свою роль может играть в этом и прежний трудовой опыт, и узкая специализация.

Большая часть исследуемой группы женщин состояла в браке (как в официальном, так и в свободном). Среди неэстонок сравнительно больше было находящихся в официальном браке (62% против 52% среди эстонок), а среди эстонок - больше находящихся в свободном браке (28% против 14% среди неэстонок). Матерей, воспитывавших детей в одиночку - 20% среди эстонок и 24% среди неэстонок, однако отметивших, что муж с ними не живет, было немного меньше, соответственно 18% и 22%, то есть небольшая доля разведенных или посчитавших себя живущими с супругом раздельно, продолжала жить с мужем на одной жилплощади. Различия между эстонками и неэстонками оказались статистически значимыми.

Анализ различий положения матерей на рынке труда. Различия в занятости эстонцев и неэстонцев наблюдались уже в течение долгого времени: неэстонцы были заняты в промышленном производстве, в то время как эстонцы сравнительно чаще занимались сельским хозяйством, в обслуживающем секторе, etc. Произошедшие изменения в структуре народного хозяйства определили и изменения в структуре занятости. Квалифицированные и неквалифицированные рабочие массово передвигались из промышленности на рядовые должности в торговлю и обслуживание. Также довольно большая часть неэстонцев, работавших канторскими служащими и руководителями среднего и нижнего звена на предприятиях союзного значения и военно-промышленного комплекса, после закрытия предприятий пополнили ряды рабочих, ушли в мелкий бизнес, торговлю и обслуживание.

Сравнение данных опроса показало, что во всех трех образовательных группах среди работающих неэстонок был сравнительно высок удельный вес рабочих, в то время как среди эстонок - специалистов и руководителей. В то же время среди эстонок, работающих специалистами и руководителями всех рангов, было сравнительно больше, чем среди неэстонок, работников со среднеспециальным и средним образованием (табл. 1).

Оценка респондентами различных профессиональных групп надежности рабочего места и шансов найти новую работу

(%)Таблица 2

Характеристика оценок	Профессиональные группы*							
	Специалисты		Канторские служащие		Работники обслуживания		Рабочие	
	эст.	неэст.	эст.	неэст.	эст.	неэст.	эст.	неэст.
Угроза потери работы								
Нет, вряд ли	47	24	39	37	44	35	43	34
Возможно	34	44	34	20	36	39	33	24
Весьма возможно	1	16	8	11	8	9	2	13
Трудно сказать	18	16	19	22	21	17	22	19
Шансы найти работу								
Хорошие	21	19	14	11	10	10	8	10
Средние	55	29	58	39	55	37	48	39
Плохие	8	19	11	11	18	16	19	28
Трудно сказать	16	33	17	39	17	37	25	23

* Сравнение в профессиональных группах предпринимателей (вместе с предпринимателями - физическими лицами) и руководителей нецелесообразно из-за немногочисленности в этих группах неэстонок.

Анализ стабильности положения матерей с маленькими детьми на рынке труда основан на сравнении ответов на вопросы: "Как Вы думаете, грозит ли Вам в ближайшее время потеря работы?" и "Допустим, Вам придется искать новую работу. Как Вы думаете, какие у Вас шансы найти ее?" (табл. 2).

Различия в оценках стабильности положения на рабочем месте оказались наиболее значимыми среди эстонок и неэстонок с высшим ($\chi^2 = 16,17$ при $p = .001$) и со среднеспециальным ($\chi^2 = 10,27$ при $p < ,05$) образованием. В группе женщин со средним образованием различия в оценках надежности рабочего места оказались статистически не значимыми.

Чуть менее половины неэстонок (48% против 71% эстонок) оценили свои возможности трудоустройства как хорошие или средние. Различия в оценках эстонок и неэстонок были более существенными в группах женщин с высшим ($\chi^2 = 23,29$ при $p = .000$) и среднеспециальным ($\chi^2 = 17,98$ при $p = ,000$) образованием, менее существенными - в группе со средним образованием ($\chi^2 = 9,14$ при $p < ,05$).

Различия в оценках эстонками и неэстонками угрозы потери работы были наиболее статистически значимыми в группе специалистов (при $p = .000$), менее значимыми - в группе рядовых рабочих (при $p < .1$) и незначимыми - в группах канторских служащих и работников сферы обслуживания.

Существенные различия в оценках эстонками и неэстонками шансов нового трудоустройства проявились лишь в профессиональных группах специалистов (при $p = .000$) и работников обслуживания (при $p = .008$). При этом среди тех, кто считал свои возможности найти новую работу хорошими, эстонки и неэстонки во всех профессиональных группах были представлены примерно в равных долях. Среди оценивших свои шансы трудоустроиться как "средние" было сравнительно больше эстонок. Считавших свои шансы плохими было относительно больше среди рабочих неэстонок.

Сравнение средних оценок удовлетворенности работой (*One Way ANOVA*) показало, что эстонки более довольны своей работой (средняя оценка по 5-бальной шкале 3,83), чем неэстонки (средняя оценка 3,68) (табл. 3).

Сравнение респонденток в профессиональных группах (без предпринимателей и самозанятых) показало, что средние оценки удовлетворенности работой рабочих и работников торговли и обслуживания были более низкими, чем средние оценки спе-

Таблица 3

Сравнение средних оценок удовлетворенности работой
(оценки по 5-бальной шкале)

Характер образования и профессионализма	Эстонки	Неэстонки
Уровень образования		
Среднее	3,70 (.82)	3,79 (1,09)
Среднеспециальное	3,77 (.77)	3,66(1,04)
Высшее	4,00 (.77)	3,59(1,09)
Профессиональная группа		
Руководители	3,88 (.78)	4,00(1,00)
Специалисты	3,93 (.73)	3,96 (.79)
Канторские служащие	3,91 (.74)	3,96 (.98)
Работники обслуживания	3,66 (.76)	3,53 (1,91)
Рабочие	3,43 (.89)	3,48 (1,93)

Примечание: в скобках дано стандартное отклонение.

циалистов и служащих. Более других были удовлетворены работой эстонки с высшим образованием (4,00) и менее всего неэстонки с высшим образованием (3,59). Как было отмечено ранее, среди неэстонок, работающих в сфере обслуживания и рабочими, то есть на рутинных, психологически или физически трудных работах, было сравнительно много женщин со среднеспециальным и высшим образованием. Характерное для значительной части рабочих и служащих неэстонских национальностей несоответствие труда образованию негативно влияет на оценки удовлетворенности работой.

Внутрисемейные характеристики. В ситуации, когда высока неудовлетворенность работой, есть вероятность потерять ее и невелики шансы найти другую или более достойную работу, сама ценность участия в занятости может уменьшиться, а семейные радости и заботы предстают в другом свете. Семья является главным убежищем для людей во время перемен. Для имеющей несовершеннолетних детей матери выполнение семейных, обязанностей связано не только с домашними заботами о членах семьи, но и с воспитательными функциями, требующими усердия и времени и дающими ответное эмоционально окрашенное чувство привязанности и незаменимости. Рассмотрим, имеются ли различия в семейном положении, материальных возможностях семей и оценках удовлетворенности жизнью эстонок и неэстонок.

Респондентам было предложено дать оценки материальному положению семьи по 5-бальной шкале. При проведении анализа были исключены, как находящиеся в неравном материальном положении, матери-одиночки и женщины, указавшие, что муж с ними вместе не проживает (18% эстонок и 22% неэстонок). У матерей-неэстонок сравнительно чаще был безработным муж ($\chi^2 = 5,94$, $p = ,05$), что конечно же негативно сказывалось на материальном положении. Результаты показали статистически значимые различия в субъективных оценках эстонок и неэстонок материального положения своих семей ($\chi^2 = 63,18$ при $p = ,000$). При сравнении респондентов в разных образовательных группах различия также оставались статистически значимыми.

При сравнении ответов на вопрос *"Достаточно ли времени остается у Вас для детей?"* из анализа были исключены матери, находившиеся во время проведения опроса в отпуске по уходу за ребенком. Каждая шестая (16%) работающая женщина считала, что уделяет своим детям достаточно времени, остальные отметили, что времени остается меньше, чем надо бы (54%), или слишком мало (29%). При сравне-

Сравнение средних оценок удовлетворенности семейной жизнью (оценки по 5-бальной шкале)

Характер семейного и материального положения	Эстонки	Неэстонки
Семейное положение		
Незамужние	3,03 (1,03)	2,95 (1,35)
Замужние	3,85 (.80)	3,95 (.89)
В свободном браке	3,65 (.79)	3,67 (1,00)
Разведенные/живут раздельно	3,11 (1,06)	2,70(1,13)
Вдовы	3,17(1,33)	3,00(1,47)
Материальное положение семьи		
Можем позволить себе все, что пожелаем	4,09 (.83)	3,80(1,64)
Ограничены только в крупных расходах	3,89 (.76)	4,17 (.77)
Можем позволить лишь необходимое	3,49 (.90)	3,74(1,04)
Весь доход уходит на питание и жилье	3,25 (1,09)	3,35 (1,01)
Денег не хватает даже на питание	2,67 (.90)	2,74(1,52)

Примечание: в скобках дано стандартное отклонение.

нии ответов респондентов из двух групп статистически значимых различий обнаружено не было.

Сравнение средних оценок удовлетворенности семейной жизнью (*One Way ANOVA*) показало, что более других были довольны своей семейной жизнью замужние (средняя оценка 3,89) и живущие свободным браком женщины (3,66) и менее других - разведенные или живущие раздельно с супругом и незамужние (см. табл. 4).

В разрезе групп с различным материальным положением наиболее высокие средние оценки удовлетворенности семейной жизнью были в группе тех респондентов, материальные возможности семей которых были ограничены лишь в больших расходах (4,00) и наименьшие оценки - в группе тех, кому не всегда хватает денег даже на питание (2,71).

Регрессионный анализ критериев, влияющих на установки матерей. Проведенное исследование показало, что существуют различия между эстонками и неэстонками не только в уровне образования, семейном положении, числе детей в семье, экономической активности и занятости по профессиям, но и в конкретных рабочих и внутрисемейных характеристиках, а также в оценках удовлетворенности работой.

Более половины матерей испытывали трудности при сочетании работы и семьи, при этом большая часть эстонок и неэстонок выразила желание работать (с полной или частичной нагрузкой) при материальном достатке в семье. Обнаруженные различия в установках респондентов были такого порядка: среди неэстонок вдвое больше, чем среди эстонок (40% и 18%) тех, кто предпочел бы не работать.

При поиске прогнозирующей зависимости между социально-демографическими переменными, переменными, характеризующими работу и внутрисемейными характеристиками на зависящую от них переменную (выбор матерей - работать или не работать в случае материального достатка в семье) - была использована множественная регрессия (табл. 5). Регрессионный анализ проводился отдельно в группе эстонок и в группе неэстонок.

Для проведения анализа независимые переменные были предварительно дихотомизированы с образованием "фиктивных" переменных. Все исследуемые независимые категориальные переменные имели более двух значений, поэтому при перекодировании независимых переменных для проведения множественной регрессии референтной категории присваивалось значение 1, с которым сравнивались все другие категории по каждой независимой переменной, которым было присвоено значение 0.

Таблица 5

Регрессионный анализ зависимости возможного выбора матерей при материальной обеспеченности продолжать работать /versus не работать) от социально-демографических параметров, характеристик рабочего места и внутрисемейных характеристик (коэффициенты регрессии В)

Переменные	Эстонок			Неэстонок		
	(1)	(2)	(3)	(1)	(2)	(3)
Социально—демографические параметры						
Возраст (20-30 лет включительно)	,420*	,316	,385	,652**	,642**	,441
Образование (высшее)	,545**	,313	,285	,480	,240	-,079
Семейное положение (замужем)	,227	,133	,045	,105	,190	,356
Характеристики рабочего места						
Профессиональная группа (руководители всех рангов, специалисты и конторские служащие)		,135	,031		,595**	,676**
Угроза потери работы (нет, вряд ли)		,243	,254		,215	,368
Шансы найти новую работу (хорошие и средние)		,601**	,514**		-,053	-,063
Удовлетворенность работой (вполне и в основном довольна)		,662***	,542**		,552**	,641**
Внутрисемейные характеристики						
Материальное положение семьи (ограничены лишь в крупных расходах)			,488**			,473
Число детей в семье (один)			-,161			,479
Для детей времени остается достаточно			,154			-,561
Удовлетворенность семейной жизнью (вполне и в основном довольна)			,504**			,029

Примечание: все использованные при анализе переменные были дихотомизированы с введением фиктивного нулевого варианта.

*** $p < 0.01$.

** $p < 0.05$.

* $p < 0.1$.

Итак, при сравнении переменных в первом блоке возраст имеет статистически значимое предсказывающее влияние на выбор работы неэстонок и менее значимое для эстонок, зато наличие высшего образования при выборе в пользу работы имеет значение только для эстонок. Семейный статус не оказывал влияния на выбор в пользу работы ни для эстонок, ни для неэстонок.

При добавлении переменных второго блока, характеризующих работу, возраст (моложе 30 лет) продолжал оказывать наиболее сильное влияние на выбор работы для неэстонок. Кроме возраста, почти одинаковое статистически значимое влияние на установки неэстонок в пользу работы имела принадлежность к "белым воротничкам" (руководителям и специалистам, либо конторским служащим) и удовлетворенность работой.

Для эстонок как возраст, так и высшее образование перестали быть прогнозирующими переменными, зато наибольшее значение из всех включенных на втором шаге в анализ переменных стала иметь удовлетворенность работой. Второе по значимости предсказывающее значение для выбора эстонок в пользу работы оказалось у переменной, представляющей собой хорошие или средние шансы найти при необходимости (новую) работу.

Включение на третьем шаге регрессионного анализа блока внутрисемейных характеристик показало, что на выбор респонденток обеих этнических групп в пользу работы не оказывает влияния ни число детей, ни возраст младшего ребенка в семье. Для неэстонок также не имели влияния ни хорошее материальное положение семьи, ни удовлетворенность семейной жизнью, зато наибольшее значение коэффициента регрессии В приобрели профессиональная группа и удовлетворенность работой.

Для эстонок, наоборот, несколько уменьшилось значение коэффициента регрессии В для переменных удовлетворенности работой и шансов найти при необходимо-

сти работу, зато примерно такое же по силе предсказывающее влияние стали оказывать переменные, характеризующие хорошее материальное положение семьи и удовлетворенность семейной жизнью.

Результаты регрессионного анализа показали, что на выбор эстонок в пользу работы прогнозирующее влияние имели как характеристики работы, так и внутрисемейные. Для неэстонок, против ожидания, внутрисемейные характеристики не были решающими факторами при выборе в пользу работы. Выбор определяли профессиональный статус работающей матери и удовлетворенность работой.

Выводы и заключение

Результаты исследования показали, что работающие матери имеют разные установки в отношении к профессиональной занятости: при условии материального достатка в семье большинство респонденток продолжали бы работать, хотя более половины матерей хотели бы трудиться с неполной нагрузкой. Лишь четвертая часть матерей оставила бы работу совсем. Исследование также показало, что в установках респондентов двух этнических групп по отношению к работе вне дома существуют различия: так среди неэстонок тех, кто при материальной возможности предпочли бы совсем не работать, было вдвое больше, чем среди эстонок.

Целью последующего анализа был поиск ответов на вопрос, являются ли объективно существующие проблемы занятости матерей неэстонских национальностей решающими при выборе между семьей и работой или можно считать верными представления, что женщины-неэстонки по своей природе более семейные и домашние, что семья и традиционные семейные ценности имеют более сильное притяжение для неэстонок, чем для устремленных к ценностям индивидуализма и самореализации эстонок. Результаты регрессионного анализа показали, что на выбор эстонок в пользу работы прогнозирующее влияние имели как характеристики работы, так и внутрисемейные характеристики. Для неэстонок, против ожидания, внутрисемейные характеристики не были решающими прогнозирующими факторами при выборе в пользу работы, напротив, выбор определяли профессиональный статус работающей матери и удовлетворенность работой. При этом на выбор эстонок в пользу работы не имел прогнозирующего влияния профессиональный статус, но влияние оказывали хорошие и средние шансы найти новую работу. На подобную уверенность эстонок найти при необходимости работу может оказывать наличие сети поддержки, т.е. знакомства на нужном уровне, которых у неэстонок значительно меньше [16]. Хорошее материальное положение и удовлетворенность семейной жизнью, как ощутимые результаты успешности сочетания матерями рабочих и семейных ролей, также оказывали влияние на выбор эстонок в пользу работы.

Для неэстонок желание покинуть рынок труда и заниматься семьей было связано с их низким профессиональным статусом и вследствие этого неудовлетворенностью работой. С другой стороны, неуверенность проявляется не столько в самом рабочем статусе неэстонок, сколько в перспективе достичь "достойной" жизни. В таком случае многие женщины предпочитают быть главной в доме, в семье и заняться воспитанием детей, чтобы дети получили хорошее образование, выучили языки, обзавелись нужными социальными связями и заняли подходящее место в жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Hakim C.* Developing a sociology for the 21st century: Preference Theory // *British Journal of Sociology*. 1998. № 49, P. 150-162.
2. *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990.
3. *Coleman J. C.* Intimate Relations, Marriage, and Family. New York: Macmillan Publishing Company, 1988.

4. *Hansson L.* (2000a). Combining work and family: The case of Estonian women. In: M.E. Domsch & D.H. Ladwig (Eds.) *Reconciliation of Family and Work in Eastern European Countries*, 75-86. Frankfurt: Peter Lang Publications.
5. *Milkie M. & Peltola P.* (1999). Playing all the roles: Gender and the work-family balancing act // *Journal of Marriage and the Family*. № 61. P. 476-490.
6. *Hakim C.* Developing a sociology for the 21st century: Preference Theory // *British Journal of Sociology*, 1998, №49. P. 150-162.
7. *Naruska A.* Gender and rationality: Estonian women's case. K. Kauppinen & T. Gordon (eds.) *Unresolved Dilemmas: Women, Work and the Family in the United States, Europe and the former Soviet Union*, 1997. № 112-128. Avebury: Ashgate.
8. *Lapidus G, W.* Gender and restructuring: The impact of perestroika and its aftermath on soviet women. V, M. Moghadam (ed.) *Democratic Reform and the Position of Women in Transitional Economies*, 1993. № 137-161. Oxford: Clarendon Press.
9. *Rimashevskaya N.* Socio-economic changes and position of women in the Union of Soviet Socialist Republics'. L. Rantalaiho (ed.) *Social changes and the status of women: The experience of Finland and the USSR*, 1993. pp 35-47. Tampere: University of Tampere.
10. *Katus K.* Long-term fertility development in Baltoscandia // *Yearbook of Population Research in Finland*. 1997. № 34. C 18-32.
11. *Hallik K.* Nationalising policies and integration challenges. M. Lauristin & M. Heidmets (eds.) *The Challenge of the Russian Minority: Emerging Multicultural Democracy in Estonia 2002*. P. 65-88. Tartu: Tartu University Press.
12. *Vihalemm T.* Identity formation in the open media space. M. Lauristin & M. Heidmets (eds.) *The Challenge of the Russian Minority: Emerging Multicultural Democracy in Estonia 2002*. P. 279-294. Tartu: Tartu University Press.
13. *Pavelson M. & Luuk M.* Non-Estonians on the labour market: A change in the economic model and differences in social capital. M. Lauristin & M. Heidmets (eds.) *The Challenge of the Russian Minority: Emerging Multicultural Democracy in Estonia 2002*. № 89-116. Tartu: Tartu University Press.
14. *Kruusvall J.* Social perception and individual resources of the integration process. M. Lauristin & M. Heidmets (eds.) *The Challenge of the Russian Minority: Emerging Multicultural Democracy in Estonia 2002*. P. 117-164. Tartu: Tartu University Press.
15. http://europa.eu.int/comm/employment_social/empl&esf/docs/empeurope2001, en. Pdf.
16. *Hansson L.* *Network Matter: the Role of Informal Social Networks in the Period of Socio-economic Reforms in the 1990s in Estonia*, Jyvaskyla: Jyvaskyla University Printing House, 2001.